

Гастроли Московского Академического театра имени В. Маяковского

Кто-то сказал: «Нет трудных и легких ролей, есть плохие и хорошие артисты». Никогда я не мог согласиться с этой фразой! Нет, актеру, как и альпинисту, приходится брать вершины разной трудности: среди них есть и пологие, залитые приветливым солнцем холмы, и суровые, сплошь заросшие густым, дремучим лесом горы, где трудно отыскать едва заметную в зарослях тропу, и отвесные скалы... Есть и свой Эверест, самый высокий, самый трудный пик мира — роль Гамлета.

Актеру труднее, чем альпинисту. К каждой вершине, пусть самой малой, надо проложить свой путь, которым еще не шел никто. Ступить на проторенную дорогу — значит сорваться. Своим путем взойти на Эверест! Показать еще одну дорогу к вершине, открыть свою грань этого сверкающего недоступного пика...

Идут столетия. Каждый вечер в разных странах мира выходят на сцены десятки Гамлетов. Казалось, все уже было. Но Гамлет неисчерпаем, как необъятен свободный человеческий дух. И от каждого, кто дерзнет надеть костюм датского принца, мы вправе, мы должны требовать открытия.

И вот перед нами Гамлет, — резкий, порывистый, очень современный. Он здоров нравственно и физически. Верить, что еще совсем недавно среди студентов Виттенберга он был первый заводила веселых студенческих шалостей и проказ. Дания — тюрьма сделала его иным. Впервые столкнулся юноша с таким злодейством, подлостью, обманом, лицемерием. Он — в стране, где сам воздух пахнет смертью. У него нет еще мудрой горечи, скорее — юношеская злость. Он готов действовать, бороться, идти напролом, но понимает, что в мире хитрости и коварства приходится и самому быть хитрым. Искренний от природы, он вынужден скрывать свои мысли и чувства.

Таков Гамлет Владимира Комратова, таков его путь к вершине Эвереста. Возможен ли этот путь? Да! — дружно решили свердловские зрители, перед которыми Комратов впервые в жизни выступил в этой роли. Автор этих строк искренне аплодировал молодому артисту вместе со всем залом. Но такова уж обязанность критика, чтобы попытаться помочь актеру не сойти с избранного им пути, не соблазниться окольными тропками.

Я поверил в Комратова — Гамлета после сцены с Офелией. Сколько любви, сколько нежности было в его взгляде! Сейчас мы услышим те единственные, неповторимые слова, которые он готов уже произнести. Но нельзя! На заднике сцены черные тени Клавдия и Полония. Надо повторяться. Гамлет бросает, рубит грубые, резкие фразы, а зритель слышит в его голосе мольбу: «Не верь мне, любимая: я не могу говорить иначе». Здесь артисту удалось предельно ясно и четко донести («второй план» действия, обнажить скрытый в роли подтекст. А как великолепно проводит Комратов всю сцену «мышеловки», начиная с короткого подтема с Полонием. Гамлет вспо-

минает, что Полоний играл когда-то на сцене. Старый царедворец, не чувствуя ловушки, подтверждает, что действительно играл и считался неплохим актером. Комратов смеется. Слов почти нет, а зрителю ясно, что Полоний всю жизнь играл, лицедействовал и, в сущности, был весьма посредственным лицедем. Слово «играл» обнаружило свой второй смысл. Таких мест у Комратова было в спектакле немало.

Понравилась мне и трактовка знаменитого монолога «Быть или не быть», произнесенного страстно, сосредоточенно, без нажима и декламации. Хорошо, что артист отказался в нем от ненужных приспособлений — игры с кинжалом. Думается только, что решение — быть! — рождается у Комратова, пожалуй, чересчур резко.

Радуют пластичность артиста, искренность его темперамента, юношеская порывистость и горячность. Его Гамлет по-настоящему действен и (самое главное!) не только внешне, но и внутренне.

В ПУТИ НА ЭВЕРЕСТ

Порой даже неясно, почему же такой Гамлет упрекает себя за медлительность и колебания. Везде он остается собой — порывистым, чистым, мятежным юношей, очень современным без натяжек и ненужной модернизации. Не случайно так аплодировала Комратову молодежь: такой Гамлет оказался понятен и близок ей. Почему же я тогда назвал свои заметки: «В пути на Эверест»?!

Комратов не достиг пока его вершины, да, и смешно было требовать этого с первой попытки. Хорошо, что дорога нащупана верно... Пока же действие у артиста не всегда подкрепляется мыслью, подчас торопится, обгоняет ее. Особенно это чувствуется в первом акте спектакля. В долгом и трудном пути на вершину Комратов берет сразу же такой темп, такой внутренний ритм действия, что у него не всегда хватает мужества остановиться и подумать, пауза не нашла пока должного места в его рисунке роли. В результате ряд важнейших смысловых акцентов теряются, пропадают для зрителя. «Он человек был в полном смысле слова», — говорит Гамлет об отце. Как важна эта фраза для понимания не только отношения принца к отцу, но и человеческой сущности самого Гамлета. Сейчас же у Комратова она произносится скороговоркой. Не получился и финал акта: «Порвалась дней... связующая нить. Как мне обрывки их соединить!» Комратов декламирует, тогда как надо размышлять.

Не во всех сценах четко продумана линия поведения героя. Возьмем, например, сцену с матерью в конце второго (у Шекспира — третьего) акта. Гамлет — судья, строгий и беспощадный. Здесь Комратов хорош. Но вот внутренний голос (именно внутренний голос, а не призрак!) напоминает ему завет отца — беречь мать, понять ее («кто во-

лей слаб, страдает больше всех»). И сын берет верх над судьей. У Комратова пока такой перелом в сцене не получился, пропадают какие-то важные для спектра роли оттенки. В первой сцене с Полонием («Вы торговец рыбой») Комратову не хватает иронии, которую должен понять даже Полоний («как пронизательны подчас его ответы»). А этот недостаток не позволяет должным образом оттенить конец диалога — слова Гамлета: «Ни с чем я не расстался бы охотнее, кроме моей жизни». Это говорится уже не для Полония, а самому себе, говорится предельно искренне. В замечательной сцене с Розенкранцем и Гильденстерном (сцены с флейтой), где Гамлет убеждается в измене друзей, не хватает горечи, кажется, что Гамлет знал об этой измене заранее, а в разговоре с могильщиком — глубины философских раздумий. В то же время последующую сцену с Ляэртом над гробом Офелии Комратов проводит прекрасно.

В итоге у Комратова Гамлет действия, Гамлет — борец, Гамлет — влюбленный пока удаётся несравненно лучше, чем Гамлет — мыслитель.

Злоупотребляет Комратов жестом — слишком много раз бьет он себя по лбу, особенно, в финале, однообразен жест правой руки (в сценах с призраком). В первых сценах Гамлет излишне суетлив.

Я говорю подробно о просчетах артиста только потому, что верю в него. Путь еще долг, какие-то потери неизбежны. Но у Владимира Комратова хватит и сил, и таланта преодолеть его, быть! И тогда мы без всяких скидок скажем: «Вершина взята! Родился новый Гамлет!»

Л. КОГАН.

На снимке: В. КОМРАТОВ в роли Гамлета.